

Глава 15. Лекарственное вино

Цяо Чэнфу поднял деревянную палку и изо всех сил ударил ею Цяо Суймана.

— Ай!

Палка с глухим звуком ударила по спине. Цяо Суйман не смог сдержать болезненного стога и пошатнулся, едва удерживаясь на ногах. Казалось, ещё миг, и он рухнет.

Цинь Юй увидел его в таком состоянии, едва переступив порог. Он бросился поддержать его и резко выкрикнул, не скрывая гнева:

— Эй! Что ты делаешь?!

— Тьфу! А ты ещё кто такой? Как смеешь со мной так разговаривать?! — Цяо Чэнфу ткнул в него пальцем и разразился бранью. — Прекрасно, прекрасно! Совсем перестали уважать меня как отца! Если я вас не проучу, вы и вовсе будете вести себя так, будто меня не существует!

Цяо Чэнфу презирал Цинь Юя, купленного гера, и считал его не более чем слугой. А теперь этот слуга осмелился ему перечить. Это уже ни в какие ворота не входит! Он избьёт этих двоих никчёмных до полусмерти и вытрясет из них все деньги!

Увидев, что палка вот-вот опустится на Цинь Юя, Цяо Суйман инстинктивно развернулся, закрывая его собой и готовясь принять новый удар. Но в тот самый миг, когда палка уже должна была обрушиться, к ним вбежал человек, перехватил её на лету и с силой отшвырнул в сторону.

Цяо Чэнфу пошатнулся от неожиданного толчка. Это был Цяо Жуйфэн, он только что вернулся домой.

Окинув взглядом разгромленный двор и увидев раны на своём фулане и младшем брате, Цяо Жуйфэн стиснул зубы так, что на его висках вздулись вены. Он уставился на Цяо Чэнфу и процедил:

— Что ты на этот раз затеял? Какая бесовщина притащила тебя обратно?

Напившись, Цяо Чэнфу нередко их избивал. В детстве они не могли ему противостоять и лишь убегали, да прятались. Но теперь Цяо Жуйфэн вырос, взял на себя работу в поле, окреп — и Цяо Чэнфу уже не смел поднимать на него руку, вымещая злость только на Цяо Суймане.

Трус, способный лишь измываться над слабыми, ещё мгновение назад гонялся за ним по двору, а теперь не осмеливался даже замахнуться, ограничиваясь грязной бранью.

— Сопляк, думаешь, вырос уже? Мне теперь и этих двоих отругать нельзя? Ты мой сын, значит, обязан отдавать мне заработанные деньги! Эти двое никчёмных говорят, что у них ничего нет. Если их не бить, то правды они не скажут!

Цяо Жуйфэн рассмеялся — глухо, с яростным недоверием. В его глазах было лишь отвращение.

— Правды? Какой правды? Правда в том, что у нас нет денег! Хочешь денег — иди и заработай! Даже если сам Небесный владыка спустится на землю, денег в доме не прибавится!

— Нет денег?! Тогда я продам землю! Живёте под моей крышей, едите мой хлеб, а в итоге я даже не могу выпросить пару монет на вино. Зачем я вас растил?!

— Продашь землю? А что у тебя вообще осталось продавать? — усмехнулся Цяо Жуйфэн. — Документы на землю и дом оформлены на меня. Как ты собираешься их продавать?

Перед смертью Ли Хуа, пожалуй, впервые поступила разумно: оставшиеся у семьи два му рисовых полей, один му сухой земли и дом она переписала на Цяо Жуйфэна, а не на Цяо Чэнфу. Не потому, что желала сыновьям счастливой жизни, а просто боялась, что Цяо Чэнфу пропьёт последнее и все останутся ни с чем. Оставив имущество на старшего сына, она хотя бы уберегла его от окончательной нищеты.

Перед смертью она заставила Цяо Жуйфэна многократно поклясться, что он не бросит Цяо Чэнфу умирать, иначе всех их постигнет страшная кара.

При этих словах в глазах Цяо Чэнфу вспыхнула ненависть. Проклятая старуха всё переписала на этого неблагодарного сына! Теперь выманить хоть немного денег стало труднее, чем взобраться на небо.

Цяо Чэнфу сплюнул на землю. Поняв, что сегодня ему денег не видать, он распалился ещё сильнее.

— Раз мне не видать денег, вам тоже сладко не будет!

С этими словами он швырнул палку, ворвался на кухню и начал рыться у очага. Опасаясь, что два котла снова продадут, после готовки их запирали в комнате Цяо Жуйфэна. В кухне остались лишь мешок риса да маленький кувшин с маслом.

Бормоча проклятия, он схватил рис и масло и направился к выходу, изрыгая брань:

— Неблагодарные твари! Бессердечные скоты! Если мне нечего есть, думаете, вам можно?! Чтоб вы подошли с голоду, никчёмный сброд!

Пнув табурет, откатившийся к дверям кухни, он яростно вышел со двора.

Цинь Юй, стоявший рядом, увидел, как тот хватается за рис, и уже было ринулся отнимать его, но Цяо Суйман удержал того, хрипло прошептал:

— Цинь Юй-гэ, забудь. Если он ничего не унесёт, то не уйдёт.

Цинь Юй взглянул на Цяо Жуйфэна. Тот едва заметно покачал головой, не делая попытки остановить Цяо Чэнфу. С неохотой Цинь Юй отступил и помог Цяо Суйману вернуться в комнату, сам морщась от боли.

Цяо Жуйфэн остался стоять во дворе, глядя на распахнутые ворота. Ночной ветер был холодным, но ему казалось, будто воздуха не хватает. Грудь сжимало так, что невозможно вдохнуть.

Он поднял перевернутый табурет, глубоко вдохнул, пытаясь успокоиться, но вдруг сжал кулак и с силой ударил им в землю, вырвав из груди глухой рык.

Сегодня он ходил к старосте за платой. За работу в деревне платили меньше, чем в порту, но за два дня всё же выходило тридцать вэнь. Он возвращался домой с мыслью порадовать фулана и младшего брата, когда Чэнь Сяшэн примчался с криком, что отец снова вернулся и затеял скандал.

Пока его не было, дома оставались лишь двое геров. Он хорошо знал характер Цяо Суймана. Тот до глубины души ненавидел Цяо Чэнфу. Хотя обычно юноша умел ловко заговаривать зубы деревенским тётушкам и фуланам, отцу он не говорил ни единого доброго слова.

Что до Цинь Юя, проданного собственной семьёй, — с ним Цяо Чэнфу обращался ещё хуже. Едва Сяшэн договорил, как Цяо Жуйфэн в панике бросился домой бегом.

И всё равно он не смог защитить ни фулана, ни брата. Он не мог сидеть дома безвылазно — нужно было зарабатывать. И всякий раз, стоило ему уйти, происходило одно и то же. Цяо Жуйфэн долго смотрел на ворота, потом поднялся и принялся молча убирать двор.

Хэйцзинь лежал на земле, тяжело дыша. Цяо Жуйфэн поднял его, осторожно ощупал — к счастью, кости были целы. Пёс уткнулся мордой ему в грудь, и сердце у него болезненно сжалось. Поглаживая собаку по голове, он тихо произнёс:

— И тебе досталось...

Хэйцзинь тихо заскулил, словно понимая произнесённые слова, и едва заметно мотнул головой.

—

В комнате Цинь Юй втирал лекарственное вино в раны Цяо Суймана. Бутылочку купили у деревенского босоногого лекаря за пятнадцать вэнь, её хватало надолго. Цинь Юй налил немного вина на ладонь, растёр его, согревая, и прижал к спине Суймана. Цяо Чэнфу бил изо всех сил, поэтому на коже расплылся тёмный кровоподтёк.

Кожа у Цяо Суймана от природы была светлая и нежная, поэтому синяк выглядел особенно жутко. Сердце Цинь Юя сжималось, пока он осторожно растирал его кожу.

— Больно? Скажи, если больно, я буду нежнее.

— Цинь Юй-гэ, всё в порядке. Продолжай.

Цяо Суйман лежал на кровати, подняв одежду, и, стиснув зубы, терпел. После растирания синяки сходили быстрее.

Пальцы его чуть дрожали, сжимая одеяло. Увидев это, Цинь Юй покраснел от сдержанных слёз.

— Нормально тебе досталось... Такой синяк и за восемь-десять дней не сойдёт. Посиди дома, не выходи, хорошо?

Цяо Суйман едва заметно покачал головой.

— Ничего страшного. Просто выглядит пугающе. Через пару дней станет лучше.

Вспомнив о Хэйцзине, он почувствовал, как у него защипало в носу.

— Потом давай посмотрим, как он. Сегодня дадим ему побольше еды.

Голос его слегка дрогнул. Всё-таки он был ещё почти ребёнком.

— Цинь Юй-гэ... когда же такая жизнь закончится?

Сердце Цинь Юя болезненно сжалось. Он открыл рот... и снова закрыл. Да... когда же?

После двух растираний синяк расплылся шире, став ещё более пугающим на вид. Но когда самая острая боль утихла, Цяо Суйману стало немного легче.

Вытерев глаза, он медленно сел, и взгляд его уже не был таким потерянным. На эти тяготы не оставалось времени для слёз.

Осторожно подвинувшись к краю кровати, он всё же задел спину и тихо зашипел от боли.

— Цинь Юй-гэ, закатай штаны. Я посмотрю твои колени. Брат сильный, но растирает как попало. У меня руки ловкие, потом тебе станет легче.

Цинь Юй не смог отказаться. Он закатал штаны до бёдер, обнажив старые повреждённые колени. Шрамы ещё остались со времён жизни в родной семье. Тогда никого не заботило, больно ему или нет. Им было важно лишь одно — может ли он работать. А если не может — его продадут за один лян серебра.

Но после того как он попал в семью Цяо, в один дождливый день Цяо Жуйфэн заметил, что его беспокоят колени, поэтому он купил у лекаря несколько лечебных пластырей. Когда пластыри согревали колени, тепло будто доходило до самого сердца.

Однако семья Цяо жила небогато. Цинь Юй не хотел тратить лишние деньги и отказался от дальнейших покупок, поэтому Цяо Жуйфэн приобрёл более дешёвую бутылочку лекарственного вина — тем, по крайней мере, Цинь Юй мог пользоваться без чувства вины.

Пока Цяо Суйман втирал вино ему в колени, лицо его оставалось серьёзным, озабоченным, но прежней хрупкости в нём уже не было.

—

Когда Цяо Суйман вышел из комнаты, во дворе уже было прибрано, словно недавнего хаоса и не существовало. Лишь ноющая боль в спине напоминала о случившемся.

Дверь комнаты сбоку от главного зала была распахнута. Цяо Жуйфэн вышел оттуда с небольшим мешочком грубого риса. Остатки зерна хранились у него в комнате, обычно под замком. Снаружи оставляли лишь столько, сколько требовалось на несколько дней. Так, даже если Цяо Чэнфу возвращался стащить еду, чтобы обменять её на вино, много унести он не мог.

Но в последнее время риса и муки в доме оставалось совсем немного. То, что сегодня забрал Цяо Чэнфу, при бережном расходе хватило бы на пять-шесть дней.

— Гэ-гэ, за последние дни я заработал немало. Если еды не хватит, можно купить у Фэн-цзе.

Сердце Цяо Жуйфэна болезненно сжалось. Сбережений у него было немного, но он не мог позволить себе тратить личные деньги Цяо Суймана.

— Оставь свои деньги себе. Продукты для дома на мне. Отдохни несколько дней. Неужели я не сумею тебя прокормить?

Обычно деньги, которые зарабатывали Цинь Юй и Цяо Суйман на продаже товаров, они делили поровну. Цяо Жуйфэн к ним не вмешивался, позволяя им распоряжаться заработанным как угодно. Он не запрещал им иногда покупать масло, соль, соус или уксус. В конце концов, если

бы они настаивали, он всё равно не смог бы им отказать.

У крестьян не так уж много расходов. Дрова собирали в горах, рис и масло получали со своих полей. Соль стоила дорого, но использовали её мало — они не готовили солёные заготовки вроде солений.

Основные траты приходились на приправы, вату для зимней одежды и редкий кусочек мяса. Заработка Цяо Жуйфэна от подённых работ хватало на повседневные нужды. Если бы не Цяо Чэнфу, который то и дело возвращался вымогать деньги, они могли бы даже что-то откладывать. Иначе их жизнь была бы вполне сносной.

В дверь постучали. Ближе всех стоял Цяо Суйман, он и пошёл открывать. На пороге оказался Чэнь Сюэшэн, держа в руках свёрток, завернутый во что-то чёрное.

Чэнь Сюэшэн выглядел взволнованным.

— Сяо Ман, ты в порядке? Я был на заднем дворе, когда мама сказала, что твой отец снова вернулся. Он тебя не покалечил?

Каждый раз, возвращаясь пьяным, Цяо Чэнфу впадал в безумие. Однажды, когда Чэнь Сюэшэн играл во дворе семьи Цяо, тот ворвался с палкой, готовый кого-нибудь избить, — тогда он напугался до полусмерти.

— Ударил по спине. Я уже намазал лекарственным вином. Ничего серьёзного. Только не говори тётушке Шуэйфэнь, а то она будет переживать.

Спина Цяо Суймана была сплошь в синяках, движения ему давались с трудом. Сюэшэн всё равно не поверил бы, что всё в порядке, поэтому юноша сказал правду.

— Жуйфэн-гэ, — поздоровался Чэнь Сюэшэн и вновь повернулся к Суйману. — Да как же «ничего серьёзного»? Мама сказала, что и Цинь Юй-гэ выглядел неважно. У нас остались лечебные пластыри после того, как Сяшэн поранился. Они лучше вина помогают. Мама велела принести.

Едва он договорил, как из комнаты Суймана вышел Цинь Юй.

Цяо Жуйфэн кивнул ему.

— Пойду варить кашу. Поболтайте. Только смотри, чтобы Сюэшэн не опоздал к ужину.

— Хорошо.

Цяо Суйман держал на руках Хэйцзиня. Брат сказал, что серьёзных повреждений нет, но ссадины всё равно нужно обработать. Он замочил большую миску рисовых отрубей. Обычно он чередовал рисовые и пшеничные отруби, редко давая псу мясо. Он тихо вздохнул — даже Хэйцзинь страдал вместе с ним.

Трое уселись в главном зале и начали разговаривать. После недавнего переполоха атмосфера неизбежно оставалась тяжёлой.

Но Хэйцзинь, немного придя в себя, стал вилять хвостом и тыкаться в них мордой, стараясь привлечь внимание, — и вскоре все трое рассмеялись. К счастью, им стало уже не так тяжело, как прежде.

<http://bllate.org/book/15225/1422745>